

В. И. Макаров

В. И. ДАЛЬ

И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Проблема, которую кратко можно было бы сформулировать как проблему личности в лингвистическом исследовании и лингвистической науке, еще и сейчас находится едва ли не в зачаточном состоянии, хотя поставлена она была еще Гуго Шухардтом в его работе “Личность автора в лингвистическом исследовании”. Ученый попытался даже осуществить самоанализ своего творческого пути, тех стимулов, которые способствовали пробуждению в нем интереса к лингвистике и избранным им научным исследовательским направлениям. Однако этот опыт не получил, к сожалению, развития в лингвистической науке.

На важность такого подхода настоятельно указывал американский ученый Дж. Сартон: “Открытия преходящи, поскольку они скоро заменяются лучшими ... Основной долг историка — оживить пер-соналии, а не перечислять их научные достижения. Открытия могут быть важными, но персоналии бесконечно важнее”¹. Несмотря на видимое преувеличение, выраженное словами “бесконечно важнее”, эта точка зрения чрезвычайно ценна тем, что акцентирует внимание на необходимости изучения персоналий лингвистов, в том числе их жизненного пути, конкретных обстоятельств, связанных с появлением, в науке тех или иных научных понятий и теоретических положений². В другом труде эта мысль подчеркивается особо: “Для понимания истории лингвистических учений важно уяснить не только содержание идей, но и глубокое знание личности отдельных языковедов, поскольку в научных исследованиях всегда отражается индивидуальность исследователя. С этой точки зрения знание научной биографии отечественных лингвистов имеет большое познавательное и воспитательное значение”³. Представление об ученом, который, подобно пушкинскому Пимену в келье Чудова монастыря или дьяку, в приказах поседелому, “спокойно зрит на правых и виновных”, — такое представление далеко от истины, ибо науку творит *личность* со всеми ее интересами, симпатиями, ориентациями, убеждениями.

История науки и ее творцов тесно связана с историей духовной культуры народа, является частью этой культуры, и потому историография лингвистики служит важным источником по-

знания не только истории науки, но также истории общества и истории его духовной культуры, его духовной сути.

История науки, как и общая история народа, по-разному осмысливается в разные эпохи. “Каждое научное поколение, — писал В. И. Вернадский, — открывает в прошлом новые черты”⁴, по-иному оценивает достижения прошлого. Творчество В. И. Даля — яркое тому подтверждение. В нашей лексикографии стало уже трюизмом критиковать ученого за гнездовое расположение в его “Толковом словаре” словарно-фразеологического материала. Такой подход выработался в связи с тем, что отечественная лексикография в XX в. фактически ушла от решения задач отражения в словаре истории культуры, занявшись в основном фиксацией значений слов в рамках “филологических” толкований, оторвав их от энциклопедической отечественной информации, от фоновых знаний, которые не стали играть сколько-нибудь значимой роли при пользовании словарями в наше время. Об этом совершенно справедливо писал ранее Р. А. Будагов⁵. Но до Будагова размышлял об этом и В. И. Даль: “Самые близкие и сродные речения, при законном изменении своим на второй и третьей букве разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена...”. По этой-то причине — утрате “живой связи” слов — Даль и избрал “семейный”, или гнездовой способ расположения слов.

Как автора “Толкового словаря живого великорусского языка” В. И. Даля знают едва ли не все. Даже при необходимости проиллюстрировать то или иное слово современного общенародного языка, в том числе литературного, журналисты нередко обращаются не к Словарю С. И. Ожегова или Большому академическому словарю в 17 томах, а к словарю В. И. Даля. Иногда в этом их оплошность, но значительно чаще — красноречивая закономерность: у Даля широта и глубина разработки значений слов в общекультурном национальном контексте поразительны.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи очертить даже контурно границы вклада, который внес В. И. Даль в развитие отечественной лексикографии и лексикологии, укажем хотя бы на некоторые приоритеты ученого в фиксации лексико-семантических и лингвогеографических новаций в русском диалектном и общенародном

Именно “Толковому словарю Даля мы обязаны как первым включением в него ряда диалектных слов (*общаться*, *фитюлька*,

двурушник, клянчить, нудный, очуметь, суть, втирать очки и др.), относящихся к территориальным или социальным диалектам, так и более основательным и современным для него уточнением значений и генезиса отдельных слов (*гиль, щелкопер, нудный, нутро, завзятый* и пр.).

Слово *гиль* автор словаря сопоставляет с диалектными *галити, галить, галиться* над кем — “смешить, шутить, проказничать”, “смеяться, насмеяться”, сопровождаемыми пометой “сев.”⁶ и отмеченными собирателями в олонечких, архангельских, ярославских и других говорах⁷.

На русском севере широко известны также формы *гилить* и *гилить*, отмеченные и Далем, и другими исследователями в значении “смешить, острить, балагурить; удивлять своими шутками” (СРНГ, VI, с. 171).

В. В. Виноградов обратил внимание на семантическую параллель между сибирским (по Далю) *галить* и юго-западным (у Даля “южн.”) *гилить*: и там и там слова имеют одно значение “водить в игре, обычно в игре в мяч”⁸. СРНГ детализирует географию слова с пометой “сиб.”: урал., челяб., томск., енис., арханг. (VI, с. 112). Для украинского языка (а Даль под “южн.” понимал именно “украинское”) интересны свидетельства Б. Гринченко: *галити* — спешить, торопиться; *гилити* — “подбивить мяч”; бить палкой деревянный шар в игре в *гилу*. *Гилить* в таком же значении отмечено А. В. Миртовым на Дону⁹. В курских говорах известны две формы этого слова: *гилить* и *гылить* (последняя, несомненно, отражает в своем произношении украинское влияние).

В. И. Даль с корнем *-гил-* приводит и другие слова: *гил* — “смешник, балагур, шутник”, *гиль* — “вздор, чепуха, чушь, бессмыслица, нелепица, дичь” (II, с. 342). В курских и белгородских говорах известно выражение *гиль гнать*, т.е. “постоянно сердясь, делать кому-либо неприятности” (СРНГ, VI, с. 172). Таким образом, лингвистическая география слова *гиль* убеждает нас в правоте В. И. Даля, считающего это слово русским народным, и лишает убедительности гипотезу М. И. Михельсона, полагавшего, что лексема восходит к французскому *gilles* — “театральные шуты”, *gillerie* — “шутовство”, “глупость”¹⁰.

В.И. Даль впервые приводит новое значение слова “нудный”: “**нудный**, — стар. трудный, нужный (в этом же значении) ...; тяжкий, невольный // ныне юж. несносный, противный, гадкий, рождающий тошноту, нуду, рвоту” (II, с. 576). В “Опыте областного великорусского словаря” под ред. А. Х. Востокова

отмечено уже в новом значении наречие “нудно”: “тошно, грустно”, “скудно”, сопровождаемое указанием на курские, смоленские и ростовские говоры¹¹. И вот теперь лексикография фиксировала новое слово с этим же корнем.

Введенное в “Толковый словарь” слово “завзятый” связывается лексикографом с другими восточнославянскими языками: белорусским и украинским. “*Завзятый* человек, юж., зап. бойкий, предприимчивый, который постоит за себя” (I, с. 559). Форма *завзятый*, представляя собой генетически страдательное причастие от отсутствующего в русском языке глагола “завзять”, отмечена в белорусском языке (ср.: в Словаре Н. И. Носовича находим форму *завзятны* — “гордый, заносчивый, неуступчивый” и в украинском: *завзятий* — стойкий в преследовании своих целей, упорный, неуступчивый, неукротимый, злобный”, а также другие производные: *завзятися*, *завзятість*, *завзято*, *завзяття*).

Словарь В. И. Даля вносит уточнения в отдельные, уже отмеченные ранее в различных толковых словарях слова русского языка, расширяет лексико-семантическую структуру отдельных слов.

Так, еловое “уйма” — “множество, очень большое количество” — еще не было зафиксировано Академическим словарем 1847 г., но в “Опыт областного великорусского словаря” 1852 г. уже вошло с пометами “костром.”, “моск.” / Рузский уезд^{11а}. В Словаре Даля пометы “Опыта” сохранены, но здесь находим уже дополнительную семантику: “обширное, огромное пространство, простор” и замечание о том, что так в костромских говорах называется “дремучий, огромный лес” (IV, с.).

С этой же стороны примечательно описание семантики слова “нутро”, на что ранее указывал акад. В. В. Виноградов^{8а}, отмечая, что до середины XIX в. это слово не подвергалось резким семантическим изменениям, выступая в значении “внутренняя часть чего-либо; противопоставляется наружности...” Во 2-й половине XIX в., не без влияния французского языка^{8б} в русском языке появляется новое, дополнительное значение: “*Нутро* человека, душа его, духовный человек, невидимая сущность его” (II, с.). И это новое значение впервые в русской лексикографии зафиксировано именно В. И. Далем.

В. И. Даль, однако, был не только собирателем народных слов русского языка. Ю. М. Костинский свидетельствует, что он был замечательным знатоком, быта русского крестьянина, его творчества, характера и складов ума¹². А. М. Бабкин в

“Предисловии” к изданию “Толкового словаря” В. И. Даля 1955 г. подчеркнул: “По своему научному кругозору и уровню, во всяком случае в области лексикографии и диалектологии, он [Даль. — В.М.] был не ниже многих признанных ученых, его современников”¹³. Это качество обнаруживается и в анализе им “Опыта областного великорусского языка” 1852 г., созданного под ред. А. Х. Востокова, и “в творческом проникновении в самую сущность” (Сухотин) языка, и в оценках важности народной речи в обогащении языка литературного, и в его попытках представить группировку говоров русского языка, откликаясь на тенденции и потребности российской науки о говорах.

Живя с 1841 г. в Петербурге и работая управляющим канцелярией при министре внутренних дел, В. И. Даль, выходя за рамки своих полномочий, слал во все концы государства предписания направлять в Министерство материалы по местной лексике и фразеологии, песни, пословицы и различные предания. Впоследствии примеру Даля последуют И. И. Срезневский и А. А. Шахматов, разослав по России специальные программы-вопросники. Но ведь они были филологами-профессионалами!

Раз в неделю, по четвергам, у В. И. Даля собирались на журфикс все желающие поговорить о науке, просвещении, о русской культуре, русской филологии. Бывали здесь хирург Н. И. Пирогов, натуралист Бэр, актер М. Щепкин, поэт и художник Т. Г. Шевченко, писатель Одоевский...^{12a} На одном из таких “четвергов” 1845 г. было неофициально учреждено Русское географическое общество. Именно В. И. Даль подал правительству прошение о включении этого Общества в состав Академии наук, членом-корреспондентом которой он был избран еще в 1838 г., и прошение это было удовлетворено. В это Общество вошли весьма опытные ученые: Н. И. Надеждин, И. И. Срезневский, П. С. Савельев, В. В. Григорьев и др., составившие костяк открытого позже при Обществе Отделения этнографии. Участие В. И. Даля в качестве члена-учредителя этого Отделения внесло, несомненно, заметный и важный вклад в развитие в России этнографических исследований и усиление лингвистического акцента в деятельности всего Отделения.

В 1842 г. в печати появились две статьи В. И. Даля под псевдонимом “В. Луганский”: “Полтора слова о нынешнем русском языке” и “Недовесок к статье “Полтора слова о русском языке”. В них автор писал о народной основе русского литературного языка, ратовал за сохранение самобытности и чистоты народного языка, дал характеристику языка “высшего обще-

ства”. Даль остановился также на особенностях образования сложных слов в русском языке, на характере русского произношения и ударения¹⁴.

Пришедший в 1846 г. к руководству Отделением этнографии Н. И. Надеждин главной целью Отделения сделал изучение быта всех народов, населявших Россию. В этом же году Отделение разослало по стране “Этнографический циркуляр”, специальную анкету, точнее программу этнографических исследований, содержащую вопросы, касавшиеся: 1) наружности местных жителей, 2) “языка, главного органа народности” во всем разнообразии его местных наречий и говоров”, 3) домашнего быта, 4) остатков быта общественного, 5) умственных и нравственных отличий, 6) народных преданий и памятников.

Год спустя после этого программно выступления Н. И. Надеждина в Отделении этнографии Даль поместил в “Современнике” статью “О русских пословицах”, в которой, между прочим, высказал свое убеждение в том, что изучение народных говоров должно стать одним из *важнейших* отделов этнографических изучений¹⁵. В. И. Даль обратился к соотечественникам за содействием науке в собирании слов и выражений, фольклора, в описании обрядов, ремесел и промыслов, игр и развлечений и т.д. И его просьба, как впоследствии И. И. Срезневского и А. А. Шахматова, не осталась без внимания общества. Уже к 1850 г. в РГО накопилось около 600 отдельных монографических описаний, а еще через несколько лет их было уже 2000.

Диалектология в XIX в. не выделилась еще в самостоятельную науку, изучение говоров входило в задачи этнографии, которая, в свою очередь, была составной частью антропологии как общей науки о человеке. Поэтому этнограф и диалектолог выступали в одном лице, исследовавшем все проявления материальной и духовной жизни народа, в том числе и народную речь. Изучая народные обычаи, традиции, праздники и обряды восточных славян, исследователи органично и крепко связывали воедино этнографическое и языковое (преимущественно, естественно, лексическое) описания. Описания богато оснащались терминами, нередко сопровождалась специальными словарными приложениями. В результате создавалась широкая, регионально детализированная картина культуры и языка восточных славян, а сравнение и установление общего и различного в них способствовало обнаружению единого и самобытного в культурах трех восточнославянских народов, связанных общностью своего происхождения.

Ученые, изучавшие говоры восточнославянских языков, одной из главных своих задач, особенно после публикации в 1850 г. под названием “Мысли об истории русского языка” речи И. И. Срезневского на юбилее Санкт-Петербургского университета¹⁶, считали классифицирование говоров с целью поиска границ восточнославянских племен, указанных в Несторовой летописи. В классификациях, создаваемых на недостаточном материале, было много непоследовательного, противоречивого. И эта непоследовательность обнаруживалась нередко уже при вычленении самых крупных единиц диалектного ландшафта. Так, А. Шафонский весь украинский языковой массив разделил на пять наречий¹⁷. К. Михальчук — на три¹⁸, а А. Соболевский — на два¹⁹. В. Ганцов позже снова ограничился тремя наречиями, хотя со членением, предложенным К. П. Михальчуком, эта классификация имела мало общего — лишь одно северноукраинское наречие²⁰. И. И. Срезневский объединял севернорусское наличие с “сибирским”, а южнорусское — с “донским”. В. И. Даль же смотрел на донские говоры совершенно по-иному, выделив их в качестве самостоятельной единицы. Здесь проявилось в значительной мере языковое чутьё “В. Луганского”: говоры Дона в ту эпоху были изучены еще крайне слабо, наука располагала информацией лишь об отдельных “островках” этих говоров, но было ясно, что они позднего образования и возникли как результат взаимодействия элементов различных более северных говоров, носители которых в разное время пришли на Дон.

“Членение русских говоров, предпринятое И. П. Сахаровым, вызвало отрицательное отношение к нему со стороны ряда исследователей. П. Савельев охарактеризовал это членение как “образец произвола”²¹. Не принял его и В. И. Даль. “Я должен сознаться, — писал он в рецензии на “Опыт областного великорусского словаря, изданного Вторым Отделением имп. Академии наук”, что такого деления наречий вовсе не понимаю...Вообще, во всем разделении этом разнородное совокуплено, однородное разнесено врозь...”

“Несомненно, полезными для науки XIX в. были представления В. И. Даля о границах между говорами восточнославянских языков, прежде всего русского. С замечаниями о “переходных” и “смешанных” говорах мы встречаемся еще в 1-й половине XIX в. Так, И. Вагилевич писал о переходном характере курских и орловских говоров от украинского языка к русскому, овруцкого говора — от украинского языка к белорусскому²².

И. И. Срезневский несколько позже отметил особые, смешанные говоры на границах трех восточнославянских языков²³.

Использовал, хотя и менее терминологично, определения “смешанный” и “переходный” по отношению к говору и В. И. Даль. В упомянутой выше рецензии на “Опыт областного великорусского языка”, ставшей впоследствии вступительной статьей “О наречиях русского языка” к “Толковому словарю живого великорусского языка”, В. И. Даль стремился определить характер диалектного пограничья. “Пермская губерния, — писал автор рецензии, — по наречию западной частию своею вполне принадлежит Вятке, северную сближается с Архангельском (по р. Колве, Вишере), южную к смеси (подчеркнуто нами. — В. М.) северного и восточного говоров”. И далее: “Здесь (в зауральском области. — В. М.) постепенно новгородский и суздальский говоры сливаются”. Описывая вологодское наречие, В. И. Даль сообщал о говоре, что он “переходит в суздальский”, принимая особенности костромского и вятского говора”. Характеризуя говоры Заволжья, исследователь квалифицировал их как принадлежащие “еще на половину к наречию новгородскому”, а южную часть Новгородской губернии считал “замечательной”, т.е. примечательной, по переходу владимирского наречия в рязанское. В системе схождения и расхождения говоров, представленном Далем, нашлось место и говору Ельца. Трубчевск Орловской губернии, как считал автор, “принадлежит более Малороссии, а Елец — Тамбову”.

Естественно, ближе к терминологическому употреблению стояли такие характеристики, как: “В целом области этой (Новгородского наречия. — В. М.) крайние полосы переходные”. Однако есть и менее удачные места в характеристике говоров. Так, ученый пишет о “переходе” какого-то говора в определенный уезд”. “Меленковский уезд еще более замечателен, как переходный: в примуромской половине его говор муромский, но в южной ... наречие рязанское, акающее, но с странной примесью”.,,

Однако нет веских оснований для упрека Даля в нечеткости некоторых формулировок. Говоры в то время были изучены в незначительной степени, и любое утверждение могло быть опровергнуто каким-то новым исследованием, новым фактом. Кроме того, до В. И. Даля, как кажется, никто из изучавших живой говор не представил совокупности переходных говоров, сопровождаемой попыткой указать некоторые особенности местной речи, подтверждающие ее переходный характер, стремле-

нием определить степень проникновения, степень схождения говоров друг с другом. Весь анализ В. И. Далям говоров в их связях и переходах можно рассматривать как первую в отечественной диалектологии попытку типологического анализа с огромным для того времени набором признаков: мы насчитали 8 признаков в системе гласных, 12 — в системе согласных, 14 — в сфере диалектной морфологии.

Достоинством исследования В. И. Даля, на много лет опередившего большинство ученых XIX в., следует считать его попытку указать не только на “положительный” признак наречия, диалекта или говора, т.е. на *наличие* в них того или иного признака, но и на “отрицательный признак, т.е. на отсутствие такого признака в изучаемом говоре. Это было важно потому что не имелось единых программ обследования всей территории России, и отсутствие в той или иной публикации указания на соответствующий диалектный факт не всегда свидетельствовало об отсутствии его в реальной жизни диалектно-территориальной единицы: он мог быть просто упущен исследователем или не зафиксирован им случайно. Подход же В. И. Даля готовил почву для картографирования диалектного ландшафта на основе тождеств и противопоставлений. В этом русле ученый осуществил целый ряд таких описаний с указанием “нулевого признака”, в частности, при анализе Новгородского и Владимирского наречий.

Примечательно еще одно направление деятельности В. И. Даля. Речь идет о создании им диалектологической карты Лукояновского уезда Новгородской губернии. Оригинал этой карты был найден в архиве Даля и в 1894 г. опубликован Б. М. Ляпуновым²⁴. К сожалению, на карте нет указания на время ее составления диалектологом. Ясно, что составлена она до октября 1872 г., времени кончины В. И. Даля.

Это была в европейской филологии эпоха, когда под воздействием высказанной А. Пикте в 1859 г. идеи “непрерывности специфических языковых связей”, под влиянием мысли Г. Шухардта 1870 г. о невозможности установления границ диалектов и его теории географического варьирования под напором фактов доклада И. Шмидта “Родственные отношения индоевропейских языков”, прочитанного в 1872 г. на XXVIII съезде филологов в Лейпциге, под магией мысли о нереальности говора начинается активная работа по изучению географии распространения отдельных языковых черт, приведшая ученых к идее картографирования этих черт. Очевидно, под воздействием этой

идеи украинский ученый К. П. Михальчук, крупнейший восточнославянский диалектолог-теоретик XIX в., создает и в 1872 г. публикует первую обобщающую карту украинских наречий, поднаречий и говоров¹⁸.

Карта В. И. Даля не выигрывает в сопоставлении с картой К. Н. Михальчука, но это была первая карта лингво-этнического характера, посвященная одному из собственно русских регионов. Система обозначений языковых явлений на карте знаковая. Особые графические знаки автор использовал для обозначения поселений раскольников, панов, бутаков (переселенцев из западных губерний), мордвы (племен эрзя и мокша), а также русских поселений. Для последних составитель карты передал на ней некоторый незначительный комплекс языковых признаков: оканье, аканье, говор, совмещающий в себе оканье и аканье, цоканье, дзеканье и чваканье.

Видимо, сам автор карты не придавал ей большого значения, иначе она была бы опубликована в российской научной печати. Возможно, В. И. Даль, в русле российских тенденции этой эпохи, считал публикацию карт делом преждевременным: отечественная наука решала другие задачи, исходя из других принципов.

Вообще можно сказать, что до конца XIX в. славянский мир не отличался должной активностью в деле разработки лингвистических карт. В лучшем случае собирался материал для них, но публикаций было очень мало. Это видно хотя бы из письма Ватрослава Ягича А. А. Шахматову 1899 г.: “У меня теперь один молодой человек, очень усердный словенец занят рисованием диалектологических карт. Если выйдет что-нибудь сносное и удовлетворительное, я постараюсь об издании. При таких предприятиях ощущается недостаток славянской солидарности”¹⁹.

Лишь в начале XX столетия лед в России тронулся. 1-го декабря 1901 г. Н. Н. Дурново писал А. А. Шахматову: “Чернышев пишет мне, что он говорил с Вами насчет моего проекта составить диалектологическую карту Калужской губ.”²⁶ В феврале 1902 г. Дурново внес Шахматову и в его лице ОРЯС предложение: “Мне кажется, что для успехов диалектологии было бы полезно, если бы такие же карты были составлены и для других губерний, например, Тульской, Рязанской, Курской, Новгородской, Олонекской, Костромской и пр.”²⁷ В декабре 1903 г. А. А. Шахматов сообщал Ф. Е. Коршу о решении ОРЯС возложить на “Московский лингвистический кружок, которым руко-

водил как раз Корш, составление “Диалектологической карты Великой России”²⁸.

Таким образом, деятельность В. И. Даля по изучению народной русской речи как основы литературного языка не ограничивалась лишь сбором материала для Толкового словаря. Она выражалась в изучении различных сторон русских говоров, в попытках их классификации и установления границ между ними, в начатках картографирования диалектных особенностей. Кроме того, В. И. Даль своей организаторской деятельностью в значительной мере способствовал активизации изучения этнических и языковых особенностей, характерных для различных территорий Российского государства.

¹ *Sarton G.* The life of Scince. N.-Y., 1948. P. 19—20.

² См.: *Кацнельсон С. Д.* Предисловие // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980. С. 5.

³ Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. в биографических очерках и воспоминаниях современников. Л., 1980. С. 3.

⁴ *Вернадский В. И.* Изб. труды по истории науки. М., 1981. С. 191.

⁵ *Будагов Р. А.* Толковые словари в национальной культуре народов. М., 1989.

⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880—1882. Далее том и страницы указываются в тексте в скобках.

⁷ Словарь русских народных говоров. Л., 1970. Вып. 6. С. III. Далее в тексте в скобках указываются аббревиатура (СРНГ), том и страница.

⁸ *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 123. ^{8a} С. 384—386. ^{8b} С. 305.

⁹ *Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов н/Д., 1929.

¹⁰ *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь; Свое и чужое. Опыт русской фразеологии; Сборник образных слов и иносказаний. СПб., Т. 1. С. 192.

¹¹ Опыт областного великорусского словаря / Под ред. А. Х. Востокова. СПб., 1852. С. 130. ^{11a} С. 238.

¹² *Костинский Ю. М.* Владимир Иванович Даль (1801—1872) // Отечественные лексикографы XVIII—XX века. М., 2000. С. 109.

^{12a} С. 95.

¹³ *Бабкин А. М.* Предисловие // Даль В. И. Толковому словарю живого великорусского языка. М., 1955.

¹⁴ *Даль В. И.* Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 2; *Он же.* Недовесок к статье “Полтора слова о русском языке” // Москвитянин. 1842. Ч. V. № 9.

¹⁵ *Даль В. И.* О русских пословицах // Современник. 1847. Т. III. № 6. С. 143—145.

¹⁶ *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка (читано на Акте имп. Санкт-Петербургского ун-та 8 февраля 1849 г.). СПб., 1850.

¹⁷ См.: *Шафонский А.* Черниговского наместничества этнографическое описание. Киев, 1851.

¹⁸ *Михальчук К. П.* Наречия, поднаречия и говоры южной России в

связи с наречиями Галичины // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 7.

¹⁹ *Соболевский А. И.* Очерк русской диалектологии. III: Малорусское наречие. СПб., 1892.

²⁰ *Ганцов Вс.* Діалектологічна класифікація українських говорів. Київ, 1923.

²¹ *Савельев П.* Об отличительных признаках и наречиях русского, языка по системе Н. И. Надеждина // ЖМНП. СПб., 1857. Ч. 93. С. 303.

²² *Wagilewicz I.* Grammatyka języka malomskiego w Galicji. Lwów, 1845.

²³ *Срезневский И. И.* О древнем русском языке // Изв. ОРЯС ИАН. СПб., 1856.

²⁴ См.: *Ляпунов Б. М.* Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской губ. // Живая старина. 1894. Вып. 1.

²⁵ СпБО Архива РАН, ф. 134, оп. 3, ед.хр. 1758.

²⁶ Там же, ед. хр. 180, л. 25 об.

²⁷ Там же, л. 32.

²⁸ Архив РАН, ф. 588, оп. 4, ед.хр. 365, л. 21.

Л. М. Кольцова

ПУНКТУАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА У В. И. ДАЛЯ: ТОЛКОВАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Создатель мой! Для чего люди не пишут запросто, как говорят, и выбиваются из сил, чтобы исказить и язык и смысл! Почему и за что проклятье безграмотства доселе еще тяготеет на девяти десятых письменных?..

Казак Луганский. Бедовик.

В. И. Даль дает термин “знаки препинания” в словарной статье слова “знак” “Толкового словаря живого великорусского языка” и определяет его следующим образом: знаки препинания — “знакоположение грамоты, письма”, где “знакоположение есть совокупность, система знаков какой-либо науки”¹.

Это определение по своей сути и глубине вполне соответствует духу и букве современной пунктуационной теории, поскольку содержит в себе по крайней мере две важные идеи: положение о системном характере русской пунктуации и констатацию того факта, что письменные знаки — результат научного осмысления